

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон
Карр

ЗАПИСКИ
ДОКТОРА
ГИДЕОНА
ФЕЛЛА

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Доктор Гидеон Фелл

Джон Карр

Записки доктора Гидеона Фелла

«Азбука»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Карр Д. Д.

Записки доктора Гидеона Фелла / Д. Д. Карр — «Азбука»,
— (Доктор Гидеон Фелл)

ISBN 978-5-389-34605-5

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». Сборник рассказов и радиопьес «Записки доктора Гидеона Фелла» продолжают серию о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34605-5

© Карр Д. Д.

© Азбука

Содержание

Неверный вопрос	8
Лица и вещи неизвестны	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джон Диксон Карр
Записки доктора Гидеона Фелла
Сборник рассказов и пьес

John Dickson Carr

THE OTHER HANGMAN

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1935

PERSONS OR THINGS UNKNOWN

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938

THE WRONG PROBLEM

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1936

THE PROVERBIAL MURDER

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1940

THE INCAUTIOUS BURGLAR

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1940

INVISIBLE HANDS

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1957

THE BLACK CABINET

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1951

THE BLACK MINUTE

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1941

THE DEAD SLEEP LIGHTLY

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1943

THE THIRD BULLET

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1937

WHO KILLED MATTHEW CORBIN?

Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1940

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© Д. А. Гоголева, перевод, 2026

© А. В. Наумова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®"

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Неверный вопрос

В Клубе детективов до сих пор вспоминают вечер, когда доктор Фелл прогуливался по долине в Сомерсете, человека, с которым он разговаривал в сумерках на берегу озера, и убийство, словно порожденное самим озером. Вся правда о том убийстве уже была известна, однако оставался один вопрос, заданный напоследок.

Деревня Грейлинг-Дин располагается в миле к западу, в ту же сторону выходили и окна в задней части дома. Красный кирпичный дом, длинный, со стрельчатой крышей, притаился в лощине между лесистыми холмами, и кирпичи его потемнели, словно старая картина. За газоном явно следили, да и живую изгородь подстригали, однако свет в окнах не горел.

За домом блестела полоска воды – почти к самым окнам подступал пруд шириной ярдов пятьдесят и с искусственным островом посередине. На острове виднелась беседка. Несмотря на жару, дул слабый ветерок, и по долине пробежал шепот листвы.

В сумерках просматривались окна в доме – все, кроме одного, застекленные мелкими ромбовидными стеклами. Исключение составляло окно на самом верху, в щипце, выходившее на дорогу в Грейлинг-Дин. Это окно было зарешечено.

Когда сумерки почти превратились в темноту, с холма спустились двое мужчин. Один – высокий и сухопарый. Второй же, в широкополой шляпе, крупный и необычайно грузный; из-за сбившегося сзади темного плаща на фоне неба это впечатление еще усиливалось. Даже издали слышен был смех, от которого приходили в движение многочисленные подбородки и складки обтянутого жилетом живота толстяка. Спутники, по обыкновению, ожесточенно спорили. Время от времени толстяк замедлял шаг и несколько минут разглагольствовал, подкрепляя слова взмахами трости. Однако, оставив за спиной озеро и подойдя к темному дому, спутники остановились.

– Вот вам и пример, – сказал суперинтендант Хэдли, – говорите что хотите, но тут же, кроме нас, никого. Как по мне, так лучше город...

– Мы и тут не одни, – возразил доктор Фелл.

На первый взгляд местность казалась настолько пустынной, что, разглядев у кромки воды чей-то силуэт, Хэдли слегка вздрогнул. В красноватом отблеске они рассмотрели шуплого мужчину в аккуратной темной одежде и белой льняной панаме. Пристально вглядываясь вперед, незнакомец словно готовился нырнуть. Снова налетел ветер, и мужчина обернулся.

– Не вижу никаких лебедей, – сказал он, – а вы видите?

На водной глади никого не было.

– Нет... – доктор Фелл проговорил это с такой же серьезностью, что и незнакомец, – а они тут бывают?

– Один, – ответил мужчина и закивал, – мертвый. С окровавленной шеей. Он тут плавает.

– Его убили? – поинтересовался, помолчав, доктор Фелл.

После он говорил, что сам счел этот вопрос глуповатым, однако в тот момент, когда он стал свидетелем того, как угасает день и меркнет разум, этот вопрос показался ему наиболее подходящим.

– О да, – мужчина снова закивал, – убили, как и всех остальных – как людей. Глаз, ухо и горло. Или, лучше, расположу их в правильном порядке – ухо, глаз и горло.

Хэдли довольно резко вклинился в разговор:

– Надеюсь, мы границы не нарушаем. Мы, разумеется, в курсе, что здесь частная собственность, но нам сказали, что владельцы в отъезде и ничего страшного, если мы решим тут срезать путь. Фелл, как по-вашему, нам, наверное, лучше...

– Прошу меня простить, – ответил коротышка, на этот раз с таким удивительным здравомыслием, что Хэдли снова обернулся. В полумраке они разглядели его лицо, открытое и

спокойное, какое бывает у затворников. Он улыбнулся. – Прошу меня извинить, – со странным раскаянием повторил он, – не следовало мне этого говорить. Видите ли, я слишком долго пытаюсь разобраться с этим в одиночку. Я тридцать лет силюсь отыскать ответ. А про частную собственность – так ведь и я не хозяин этой земли, хоть и жил на ней когда-то. Здесь рядом есть скамейка – по крайней мере, была. Вы не уделите мне немного времени?

Позже Хэдли так и не смог объяснить, почему они согласились, – возможно, так повлиял на них этот сумеречный час, или это место, или их искренний серьезный собеседник в белой панаме, однако совсем скоро тот уселся перед ними на ржавую железную скамейку возле темнеющего озера и заговорил, словно обращаясь к собственным пальцам.

– Меня зовут Джозеф Лессинг, – он по-прежнему говорил, словно извиняясь, – если вы обо мне не слышали, то и об отчине моем, полагаю, тоже. И все же когда-то он был известным специалистом в области лечения глаз, ушей и горла. Доктор Харви Лессинг – вот как его звали. В те времена мы, то есть наша семья, проводили здесь каждое лето. Биографические подробности вспомнить непросто, поэтому в важных случаях лучше, наверное, начинать с дат, как это делается в исторических книгах. Детей было четверо. Трое из них – от первой жены Лессинга, которая умерла в тысяча восемьсот девяносто девятом. Когда он в тысяча девятьсот первом году женился на моей матери, мне уже исполнилось семнадцать. Прискорбно, но три года спустя она умерла. Доктор Лессинг отличался добротой, а вот с женами ему крайне не везло. – Рассказчик грустно улыбнулся. – Мы были обычной семьей, довольными и покладистыми, хотя Браунригг и вел себя цинично. Браунригг – это старший. Глаза, нос и горло – прямо наше проклятье, вот и Браунригг работал стоматологом. Сейчас он, думаю, уже умер. Такой упитанный и улыбочивый, а лицо бледное, как сливочное масло. Неудавшийся спортсмен, он утверждал, будто способен вырывать зубы пальцами. Браунригг, кстати, обожал грецкие орехи. Мне запомнилось, как он с улыбкой сидит за столом, справа и слева – два серебряных подсвечника, перед ним – кучка скорлупок, а в руке у него острая палочка, чтобы вскрывать орехи. Средним был Малыш Харви. Неугомонный, румяный, живой и очень милый – не зря его называли Малышом. Сроду в кресло не садился, сперва не крутанув его, а входя в помещение, непременно говорил: «Здорово, ребятки!» И когда выходил, обязательно оставлял дверь открытой, чтобы снова вернуться. Но главное – он все время проводил на воде. Для прогулок по нашему маленькому озеру – и не поверишь, что оно десять футов глубиной, верно? – у нас имелись гребная лодка и плоскодонка. Малыш для катания на лодке всегда одевался так тщательно, словно на Темзу собирался: красно-белый блейзер и соломенная шляпа из тех, что называли канотье. Я сказал, он все время проводил на воде, но после чая он по озеру не плавал: в это время доктор Лессинг отправлялся подремать в беседку на острове.

Беседки, увитой виноградом, было почти не видно, и все же они посмотрели на остров в середине озера, где угадывались ее очертания.

– Третьей была девушка, Марта, почти моя ровесница. Я души в ней не чаял. – Джозеф Лессинг сцепил руки. – Не стану утомлять вас неуместной историей любви, джентльмены, – продолжал он, – вообще-то, Марта была помолвлена с молодым офицером пехотного полка и со дня на день ожидала его возвращения, когда... Когда все это случилось. Его звали Артур Сомерс. Я хорошо знал его и считался другом их семьи. Подчеркну, что лето выдалось жаркое, чудесное. С тех пор здесь мало что изменилось, разве что тогда зелени было больше. Я с радостью приезжал сюда из города. В соответствии с пристрастием доктора Лессинга к «полезному труду» меня устроили в отдел оптики при ювелирном салоне. Руками я всегда неплохо управлялся. Скажу честно, я был занудой, хилым и недоверчивым, но после смерти матери в семье относились ко мне с бесконечной добротой – все, кроме, может, маслолицего Браунригга. Впрочем, для меня то лето – это Марта. Марта с темно-русыми, собранными в пучок волосами, в белом платье с пышными рукавами. Она играла на зеленой лужайке в крокет и смеялась. Как я уже сказал, это было давно.

Пятнадцатого августа все мы собрались на прогулку. В два часа мы пообедали и заодно выпили чаю, и даже Браунригг решил составить нам компанию. Посмотрите направо, джентльмены. Видите в середине эркер с окном, который выходит на озеро? Там стоял обеденный стол.

Первым из-за стола встал доктор Лессинг – пришло время вздремнуть в беседке. День выдался очень жаркий и убаюкивающий, как жужжание сенокосилки. Солнце нагревало старые кирпичи и ослепительным блеском растекалось по воде. Малыш сколотил на берегу что-то вроде импровизированного причала – примерно здесь, где мы сейчас сидим, – тут и лежали лодка с плоскодонкой.

Из открытых окон мы видели, как доктор Лессинг спускается к причалу, а его лысина блестит на солнце. В одной руке он держал подушку, а в другой – книгу. Доктор выбрал гребную лодку: плоскодонкой он толком управлять не умел и до попыток научиться не снисходил.

Следующей вышла Марта. Она, по обыкновению, рассмеялась и выбежала из столовой. Малыш бросил нам: «Бывайте, братва!» – или что-то вроде того, а потом прошагал к выходу. Дверь за собой он не закрыл. Вскоре я последовал за ним. Ранее Малыш поинтересовался у Браунригга, выйдет ли тот из дому, и Браунригг пообещал выйти. Однако ему стало лень, и он остался в доме, высыпав на стол перед собой кучку грецких орехов. Впрочем, чтобы солнце не слепило глаза, он отодвинулся подальше от стола и весь вечер просидел там, откуда видно озеро.

Возможно, мысли и пояснения Браунригга никакого значения и не имели бы, однако как раз незадолго до случившегося Робинсон, садовник, подстриг все кусты со стороны дома, так что из столовой отлично просматривалось озеро. И в тот день обзору ничего не мешало. В беседке, как видите, два входа: один со стороны дома, а другой – с противоположной. На входах имелись занавески от солнца, красно-белые, как блейзер у Малыша, так что со стороны внутрь беседки было не заглянуть. Но в тот день беседка выглядела безжизненной – лишь красноватая от солнца вода вокруг да рошица на противоположном берегу. На озере – ни лодки, ни купальщиков, только едва заметная рябь, да и ту, вероятно, оставили лебеди – их у нас два было – или питающий озеро родник.

К шести мы все вернулись в дом. Кажется, когда по дому поползли тени, пустота вокруг насторожила нас: обычно к этому времени доктор Лессинг возвращался и чего-нибудь громко требовал, а он не вернулся. Мы звали его, но ответа не дождались. Лодка оставалась пришвартована возле беседки. Тогда Браунригг, который вообще любил находить себе мальчиков на побегушках, велел мне разбудить старика. Я заупрямился: у нас только плоскодонка, а шестом я управляюсь совсем скверно – плоскодонка лишь вертится на одном месте или вообще опрокидывается. Но тут вмешался Малыш: «Не дрейфь, старина, заодно и поучишься, да и я тебе чуток подсоблю». Мы добирались туда целую вечность – я неуклюже цеплялся за шест, а Малыш помогал мне. Доктор Лессинг вытянулся на плетеном диване. Лежа на левом боку, даже, скорее, на животе, он почти уткнулся лицом в подушку, так что виден было лишь фрагмент рыжеватой бакенбарды. Правая рука свисала с дивана, пальцы замерли на страницах раскрытой повести «Трое в лодке, не считая собаки».

Сперва мы заметили, что из уха у него что-то вытекает. Больше ничего мы не знали – лишь что он умер, а оружия потом так и не нашли. Он умер во сне. По словам врача, рану нанесли округлым заостренным инструментом толще шляпной булавки, но тоньше карандаша. Орудие убийства прошло через ухо и пронзило мозг.

Джозеф Лессинг умолк. Сильный порыв ветра качнул деревья за озером, и их вершины всколыхнулись на фоне яркого звездного неба. Сидя на железной скамье, рассказчик кивал сам себе. Его панама мерно покачивалась.

– Итак, – почти непринужденно поторопил его доктор Фелл. Он откинулся на спинку скамьи – разбойничья фигура в плаще и широкополой шляпе – и, сдвинув очки на переносицу, с любопытством вглядывался в Лессинга, – кто стал подозреваемым?

– Они заподозрили меня, – ответил коротышка и по-прежнему виновато добавил: – Видите ли, кроме меня, никто из них не умел плавать. Это мое единственное достижение. Сейчас стемнело и толком ее не рассмотреть, но я в детстве даже медаль однажды выиграл и с тех пор ношу ее на цепочке для часов.

– Вы же сказали, – воскликнул Хэдли, – что никто!..

– Я сейчас все объясню, – ответил рассказчик, – но прошу меня не перебивать. Разумеется, в полиции решили, что его убили из-за денег. Доктор Лессинг был человеком состоятельным, и его деньги были разделены между нами почти поровну. Как я уже сказал, он всегда относился ко мне по-доброму.

Сначала полицейские выясняли, где каждый из нас находился в тот день. Браунригг сидел в гостиной – или, по крайней мере, он так сказал.

При этом садовник подтвердил, что ни Браунригг, ни кто-то другой к воде не приближался. Марта (глупость, конечно, но они даже алиби Марты проверили) провела тот день с подругой – я, правда, позабыл ее имя. Подруга заехала за ней на фаэтоне, и они вместе отправились играть в крокет. У Малыша алиби не было – он просто бродил по окрестностям. Впрочем, – добавил Лессинг, – все и так знали, что он на подобное не способен. Остался я – подмыш или, может, гадкий утенок. Должен признать, я и правда был язвительным и резким. Вот инспектор Диринг и заподозрил меня в убийстве. Он предположил, будто в тот день я сперва постарался увести всех из дома. Позже, когда обнаружат тело, все решат, что убийца добрался до острова на плоскодонке и на ней же вернулся. Ведь все знали, что с плоскодонкой я в одиночку не слажу. Понимаете?

Потом, рассуждал инспектор, я отправился на противоположный берег, к рощице. Она как раз за беседкой, то есть из гостиной ее не видно. Там мелко и все заросло камышами. Инспектор думал, будто под одеждой у меня был плавательный костюм, я спрятался в тростнике, нырнул и под водой доплыл до беседки. Для хорошего пловца двадцать с небольшим ярдов – не бог весть какое расстояние. На острове меня якобы не заметили, потому что я прятался за беседкой. Робинсону было видно все озеро, за исключением участка позади беседки. А вот я с острова отлично все обзирал. По их предположениям, оружие я спрятал в нагрудный карман плавательного костюма, а в беседку пробрался под маркизой на входе. С меня наверняка натекла вода, но в такую жару она быстро высохла. Вот так, наверное, они и представляли себе, как я убил приютившего меня старика. – В голосе коротышки зазвучали обида и недоумение. – Я говорил им, что не убивал, – с надеждой продолжал он, – все повторял, что это не я, вот только мне, похоже, не поверили. Поэтому все эти годы я ломаю голову...

Это Браунригг придумал. Собрал в библиотеке семейный совет и принялся меня обвинять, как будто я варенье тайком съел. Марта плакала, правда, думаю, просто от страха. Она не умела держать удары судьбы, наша Марта, – делалась раздражительной и даже выглядела слабой и уязвимой. Как бы там ни было, неприятно же осознавать, что ты прилег вздремнуть после обеда, а рядом убийца бродит. Малыш Харви, добрая душа, пытался встать на мою защиту и играть по-честному, но, судя по лицу, он тоже не исключал моей вины. Руководил процессом Браунригг. Говорил он вкрадчиво, а улыбался свысока. «Нам остается либо считать, что убил его ты, – заявил Браунригг, – либо поверить в привидений. А водятся ли на нашем озере привидения? Нет. Полагаю, такую возможность лучше смело исключить, – он наставил на меня палец, – проклятый ленивый змееныш, ты позарился на его деньги».

Только, знаете, у меня имелся один хитрый приемчик, и я им воспользовался. Получилось нечестно, отрицать не стану, но я старался доказать свою невиновность, а нас ведь учат лечить врача его же снадобьем. Когда я высказал свои соображения, Браунригг рот разинул. Ведь сам-то Браунригг был стоматолог, а Малыш Харви изучал медицину. Так что же я им сказал? Да, в этом все и дело. Какая разница, что они обо мне думают? Главное, что подумает инспектор Диринг. За недостатком улик меня еще не арестовали, но по ночам я боялся,

что на следующее утро за мной придут. В дни после похорон жара сделалась невыносимой, а подозрение, точно шерстяное белье, липло к телу. Раздражительность Марты действовала на нервы даже Малышу, а Браунригг однажды едва ее не ударил. Она невероятно тосковала по жениху, Артуру Сомерсу, но тот хоть и обещал со дня на день приехать, все никак не мог получить у полковника увольнительную. А потом озеро снова проголодалось. Посмотрите на дом, джентльмены. Не уверен, правда, что в темноте вы что-то разглядите. Окно на самом верху, в щипце, – видите его?

Повисла тишина, которую нарушал лишь шелест листвы.

– На нем решетка, – проговорил Хэдли.

– Именно, – подтвердил коротышка, – давайте опишу вам эту комнату. Она небольшая и квадратная, с одной дверью и одним окном. В те времена, о которых идет речь, никакой мебели внутри не было. Мебель оттуда вынесли за несколько лет до этого, причем мебель весьма своеобразную. С той поры комната стояла запертой. Ключ от нее хранился в шкатулке в спальне доктора Лессинга, правда туда, наверх, все равно никто и не думал подниматься. Когда-то там скончалась одна из супругов доктора, страдавшая определенным недугом. Как я уже упоминал, с женами ему не везло. В той комнате даже окно застеклить не рискнули. – Коротышка резко чиркнул спичкой, и пламя на миг осветило его лицо. Они заметили у него в левой руке трубку. Впрочем, пламя позволило им увидеть лишь обращенный наверх взгляд и седые волосы, жесткие, точно обсыпанные побелкой, и довольно длинные.

– Двадцать второго августа во второй половине дня к нам без предупреждения появился стряпчий. Принимать его пришлось мне. Браунригг, прихватив бутылку виски, заперся в комнате и напился, а может, просто назвался пьяным. Малыша дома не было. Мы целую неделю пытались отвлечься, но Малыш не подходил к лодкам, а я ничего не мастерил – это сочли бы неприличным. Полагаю, наиболее приличным считалось напиться. Однажды и Марта занемогла, не настолько тяжело, чтобы ложиться в постель, но в шезлонг у себя в комнате она все же прилегла.

Я заглянул к ней перед тем, как спуститься к нотариусу. В комнате Марты царил полумрак: ставни прикрыты, бархатные занавески задернуты. Можете сами себе представить, какая там была жара. Марта, сжимая в руке какую-то пахучую бутылку, лежала в шезлонге. Рядом с ней, на круглом столике, горела лампа со светлым круглым абажуром. Помню, белое платье у Марты топорщилось, словно накрахмаленное, волосы были стянуты в пучок, а на груди висели маленькие золотые часики. Из-за опухших век в лице у нее появилось что-то азиатское. Я справился о ее самочувствии, но Марта расплакалась и швырнула в меня книгу.

Потом я спустился вниз. Когда все это случилось, мы с нотариусом беседовали. Расположились мы в библиотеке, а она ближе к входу, поэтому толком ничего не услышали, и все-таки какие-то звуки до нас донеслись. Именно поэтому мы и бросились наверх, даже нотариус. В спальне Марты не было. Мы нашли ее, так как заметили, что дверь на лестницу, ведущую на чердак, открыта. Там, под крышей, дом нагрелся еще сильнее. Дверь на чердак была приоткрыта. К дверному косяку жалась горничная (ее, по-моему, звали Джейн Доусон). Тряслась она так, что оборки на чепце дрожали. Ей не удавалось выдавить из себя ни звука, но она показывала внутрь, на чердак.

Как я уже упоминал, комната там тесная, пустая и грязноватая. Лучи предзакатного солнца сквозь зарешеченное окно рисовали на белом платье Марты темные полосы. Марта лежала почти посередине комнаты, подогнув ноги, словно перед падением развернулась. Я приподнял ее и было обратился к ней, вот только из глаза у нее торчал острый округлый предмет чуть толще шляпной булавки. Пройдя через глаз, этот предмет пронзил ей мозг. Хотя в комнате никого больше не было.

Горничная рассказала все как было. Она увидела, как Марта вышла из спальни доктора Лессинга. Даже не вышла, а выбежала, насколько в таком платье вообще возможно бежать.

Один раз Марта споткнулась, и еще горничной почудилось, будто она плачет. Джейн Доусон сказала, что Марта так стремительно неслась к двери на чердак, словно от самого черта спасалась. Джейн Доусон, которой ни за что на свете не хотелось оставаться одной в темном коридоре, последовала за ней. Она видела, как Марта поднялась по лестнице и отперла чердачную каморку. Когда Марта забежала внутрь, горничной показалось, что дверь она закрывать не стала и та захлопнулась сама. Понимаете?

Чего бы там Марта ни испугалась, у Джейн Доусон не хватило смелости пойти за ней, – по крайней мере, на несколько секунд она замешкалась, а потом стало слишком поздно. Горничная так и не смогла описать звук, который донесся из комнаты, но, услышав его, птицы вспорхнули с виноградных плетей, а лебеди на озере захлопали крыльями. Горничной всего увиденного было достаточно, чтобы она одним пальцем толкнула дверь и робко заглянула внутрь.

Кроме Марты, на чердаке никого не было.

Мы трое переглянулись. В рассказе горничной сомневаться не приходилось, и все мы знали, что свидетельница она надежная. Даже полицейские без оговорок поверили ей. Она сказала, что видела, как Марта вошла в комнату, но не видела, чтобы оттуда кто-то выходил. Глаз с двери она не сводила – да на нее это и не похоже. Тем не менее когда она заглянула внутрь, то никого, кроме Марты, там не было. Доказать это легко – спрятаться на чердаке совершенно негде. А что, если горничную ослепил свет? Нет. Или мимо нее кто-то проскользнул? Нет – это она утверждала с отчаянной горячностью.

Через окно – просто еще раз уточню – внутрь не пробраться. Решетка установлена прочно, между прутьями разве что рука пролезет, к тому же снаружи до окна не достать. Выйти из комнаты можно лишь через дверь или окно, и никаких... как же это назвать... механических приспособлений внутри нет. В этом наш друг инспектор Диринг удостоверился. Думаю, надо еще кое о чем упомянуть. В отличие от стен и потолка, пол на чердаке был чисто подметен. Мартино белое платье с рукавами-фонариками осталось таким же белым, как и ее лицо.

Невероятное убийство. Я сейчас говорю не только про обстоятельства, но просто вот так, посреди лета, Марты не стало. Возможно, ее смерть ощущалась так остро, оттого что при жизни мы Марту толком и не знали. Смех, изредка кокетство, карие глаза – вот из чего складывался ее образ, по крайней мере для меня. Исчезни кто-то более жизнерадостный – и его отсутствие не чувствовалось бы так мучительно, как смерть Марты. И все это летом, когда жарко грело солнце и мы вот-вот собирались натянуть теннисную сетку.

Тем вечером, когда уже смеркалось, мы с Малышом спустились к озеру. Он все пытался высказать что-то и был совершенно ошарашен: не понимал, что Марте понадобилось на чердаке, и непрестанно задавал этот вопрос. Похоже, Малыш так и не свикся с мыслью, что наш отдых закончился, и это тревожило его намного сильнее, чем смерть отца и сестры.

По озеру разлился красноватый свет, и черной каймой вдоль воды выстроились деревья. Мы как раз подошли к рожице возле зарослей тростника. Лучше всего в памяти у меня сохранилось лицо Малыша. Сдвинув, по обыкновению, шляпу на затылок, он смотрел на тростник, где лениво колыхалась вода, словно само озеро – злой гений, который хранит свои секреты. Когда Малыш заговорил, я едва узнал его голос.

– О господи, – произнес он, – там что-то есть!

За тростником плыло что-то белое, оно медленно поворачивалось и смахивало на змееподобный обрубок. Лебединая шея – вот что это было, а сам лебедь погиб: ему почти отрезали голову. Мы вытащили его багром, – словно припомнив это задним числом, добавил рассказчик и умолк.

Плащ доктора Фелла всколыхнулся, и Хэдли чувствовал, как его спутник, словно чайник, закипает от безмолвного гнева.

– Так я и думал, – пробурчал доктор Фелл и уже резче бросил: – Знаете, прекращайте этот балаган.

– Прошу прощения? – Джозеф Лессинг явно растерялся.

– Если не возражаете... – начал доктор Фелл. Позже Хэдли скажет, что никогда еще так не радовался, услышав в обычно рассудительном тоне приятеля гнев и несогласие, – если не возражаете, я хотел бы задать вам вопрос. Готовы ли вы поклясться чем-то дорогим вам (сомневаюсь, впрочем, что такое имеется), что ответ вам самому неизвестен?

– Да, – серьезно кивнул Лессинг.

Доктор Фелл немного помолчал, а потом с вызовом спросил:

– Задам вам еще один вопрос. Вы когда-нибудь стреляли из лука?

Хэдли обернулся к Феллу.

– Вот ахинея-то, – сказал он, не в силах избавиться от какого-то отвратительного ощущения, – прекращайте! Вы же не думаете, будто в девушку стреляли через окно из лука?

– Разумеется, нет, – уже спокойнее ответил Фелл. Он смотрел на Лессинга, – я говорю образно. Вы в детстве кидали камни? Не в кого-нибудь, а просто для веселья? Вы лазили по деревьям? Играли в пиратов? Размахивали мечом? Думаю, вряд ли. Поэтому вы видите мир в безотрадном, унылом свете, питаете неприязнь к романтике, чувствам, хорошему виски и всему чудесному, что есть вокруг. Как раз поэтому вы и не замечаете в этом деле нелепостей.

Начнем с того, что обычным криком стаю птиц с насиженного места не спугнуть. Малыш Харви у вас все время бегал и вопил, поэтому птицы наверняка привыкли к подобным звукам. И уж тем более лебеди – не станут они взлетать лишь потому, что вдалеке кто-то вскрикнул. Лебеди вообще не такие чувствительные. А видели вы, как мальчишки кидают в стену камень? Видели вы, как камень бросают в воду? И мелкие птицы, и лебеди испугались бы, только если что-то ударилось бы о стену, а затем о воду. Короче говоря, если что-то упало бы из зарешеченного окна.

Дальше. Женщина, испугавшись, не побежала бы на чердак, особенно если с чердаком у нее связаны скверные воспоминания. Она бросилась бы вниз в поисках защиты. Марта Лессинг не испугалась. Она поднялась наверх с какой-то целью. С какой? Едва ли ей там что-то понадобилось, ведь комната стояла пустая. Чего же она хотела? Единственное ее желание, о котором нам известно, – это поскорей увидеться с женихом. Она несколько недель его ждала. У чердака есть одна особенность – его оконце выше всех остальных в доме, и только оттуда видно дорогу до деревни.

Допустим, кто-то сообщил Марте, что ему показалось, просто почудилось, будто он заметил на дороге Артура Сомерса. Конечно, видно оттуда плохо, поэтому говорящий признал, что, возможно, ошибается...

Хм... Да... Вот так и расставили сети. Марта Лессинг немедленно побежала в отцовскую комнату за ключом, и плакала она от радости. Да только солнце на чердаке светило ей прямо в лицо, а до дороги все-таки далеко. Тут-то, по моему разумению, и крылась ловушка. Дело в том, что на подоконнике в этой комнате (в которую никто не заходил и которую так тщательно подмели, чтобы не осталось следов) кто-то предусмотрительно оставил... как там его, Хэдли?

– Полевой бинокль, – подсказал помрачневший Хэдли.

– И тем не менее, – возразил сам себе доктор Фелл, – имелась определенная помеха. Возьмите бинокль и попробуйте навести его на окно, где решетка такая частая, что рука едва пролезет. Прутья решетки будут мешать, сместить бинокль невозможно, ничего толком не увидишь и только раздражаешься. А здесь еще и солнце в глаза. Скорее всего, от нетерпения ты сложил бинокль и просунул его наружу, сквозь решетку, а потом прижал бы с противоположной стороны к решетке так, чтобы прут оказался между окулярами. Правда, – с беспощадной мягкостью продолжал доктор Фелл, – этот бинокль был непростой. Марта Лессинг сразу заметила, что изображение мутное, и попыталась настроить фокус. Для этого она повернула колесико в центре. И как только Марта повернула его, точно так, как курок пистолета приводит в движение пружинный механизм, из правого окуляра выскочил острый стальной штырь,

который вонзился ей в глаз. Марта выронила бинокль, а держала она его с наружной стороны окна. Вместе с биноклем вылетел и штыр. Именно он проткнул шею лебедю, а потом скрылся под водой.

Доктор Фелл умолк. Он вытащил было сигару, но так и не закурил.

– Обычно у стряпчих полно работы, и они ни с того ни с сего не приезжают, а только по приглашению. Браунригг лежал пьяный, Малыша дома не было. Как упал бинокль, никто не видел. На это время убийце требовалось надежное алиби. Юной Мартой, единственной, кто угодил бы в такую ловушку, пришлось пожертвовать. Только так можно было спастись от ареста, а ведь кое-кому арест грозил с того момента, как убили доктора Лессинга. Лишь один человек разговаривал с Мартой Лессинг всего за несколько минут до ее смерти. Лишь один человек работал оптиком у ювелира, и в доме, по его собственному признанию, ему устроили мастерскую. Лишь один человек умел мастерить... – Доктор Фелл на миг умолк и, пытаясь, повернулся к Лессингу. – Интересно, они вас арестовали?

– Да, – кивнул коротышка, – я всего месяц назад освободился из Бродмура.

В темноте вдруг снова чиркнула спичка.

– Так это... – воскликнул Хэдли и осекся, – так это ваша мать умерла там, на чердаке? И какого черта тогда вы тут морочите нам голову всякими страшилками?

– Нет же, – недовольно проворчал Лессинг, – вы не поняли. Меня не интересовало, кто убил доктора Лессинга и бедняжку Марту. Вы неверно истолковали вопрос. И ведь я-то пытался объяснить вам, в чем проблема. Это не моя мать там умерла, а их – Браунригга, Харви и Марты. Поэтому они и боялись вешать вину на меня – боялись последствий, даже мысли такой не допускали. Я же сказал, что у меня имелся козырь и при упоминании о нем задрожал даже Браунригг, – сказал, верно? Вы что же, полагаете, что, будь моя мать сумасшедшей, они не упекли бы меня в тюрьму сразу, без раздумий? А?

Разумеется, – примирительно объяснил он, – на суде они под присягой подтвердили, что это моя мать сошла с ума. Я пригрозил сообщить суду правду, если бы они так не сказали. Иначе меня бы повесили. Остались только Браунригг и Малыш. Браунригг – стоматолог, Малыш учился на врача, и если бы все вскрылось... Впрочем, не в этом суть. Проблема не в этом. Это их мать сошла с ума, но сами они никого не убивали. А я убил – и доктора Лессинга, и Марту. Да, я совершенно нормальный. Почему тогда, много лет назад, я сделал это? Почему? Неужели этим поступкам нет разумного объяснения и измученная душа не получит ответа?

Спичка скрючилась, превратившись в красноватую золу, померцала и погасла.

Отчетливее всего запомнились Феллу и Хэдли его жесткие, словно выбеленные волосы в темноте ночи, глаза и почему-то притягивавшие взгляд руки. Джозеф Лессинг встал. Последнее, что они видели, – это его белая панاما под склоненными деревьями.

Лица и вещи неизвестны

– В конце концов, – сказал хозяин, – это Рождество. Почему бы не достать скелет из мешка?

– Или выпустить кота из шкафа, – подхватил историк, которому нравилась точность даже в избитых выражениях. – Вы серьезно?

– Да, – ответил хозяин, – хочу выяснить, не опасно ли спать в той маленькой комнате на самом верху.

Он купил этот дом совсем недавно и устроил что-то вроде новоселья. Я давно уже думал, что праздник тут не помешает. Это был длинный, сырой дом с высокими окнами, запрятанный среди холмов Сассекса. Чересчур вытянутая гостиная, где возле камина собралась после ужина наша компания, насквозь продувалась всеми ветрами. Она была отделана красивыми темно-коричневыми панелями, где преломлялся свет от камина, так что по всей длине комнаты трепетали сотни маленьких отражений, точно в бесчисленных сумрачных зеркальцах. Однако в ней все равно гулял сквозняк.

Конечно, дом нам всем нравился. В нем имелось новейшее освещение и система отопления, хотя водопровод издавал призрачные звуки и утробный лязг всякий раз, когда открываешь кран. Однако в дом накрепко въелся запах прошлого, и тебя тревожила мысль, будто кто-то неотступно следует за тобой. Сейчас, когда хозяин и впрямь допустил подобную возможность, каждый из нас переглянулся со своей женой.

– Но вы не говорили, – удивилась жена историка, – ни разу не говорили нам, что здесь есть привидение!

– Я и сам не знаю, есть ли оно тут, – вполне серьезно ответил хозяин, – я лишь несколько раз стал свидетелем чего-то странного. Все в порядке, я еще никому не предлагал поселиться в той маленькой комнатке наверху. Поэтому, если хотите, закончим этот разговор.

– Вы же знаете, что мы не хотим, – сказал инспектор. В лондонской полиции он занимал должность помощника комиссара. Он закурил толстую сигару и был не прочь пообсуждать привидений. – Самое время и место послушать. Так что там у вас?

– Это, скорее, по вашей части, – медленно проговорил хозяин, а потом перевел взгляд на историка, – и по вашей тоже. События исторические. Полагаю, вы бы их назвали историческим романом.

– Возможно. А даты?

– Тысяча шестьсот шестидесятый год.

– Эпоха Карла Второго, верно, Уилл? – уточнила жена историка, порой докучавшая ему подобными репликами. – Обожаю их. Надеюсь, будет много громких имен. Ну, знаете, Карл Второй, и Бекингом, и все остальные. Помню, когда я была маленькой девочкой, я собиралась посмотреть, как... – и она назвала имя знаменитого актера, – будет играть Дэвида Гаррика. Я так этого ждала! Думала – вот увижу программку, а там и доктор Джонсон, и Голдсмит, и Бёрк, и Гиббон, и Рейнольдс, и все они то и дело будут на сцене появляться. Но в программке ни одного из них не было, и пьеса еще не началась, а я уже чувствовала себя так, будто меня надули.

Прозвучало это неубедительно, и историк с сомнением посмотрел на нее поверх очков.

– Заранее предлагаю, – сказал он, – если вы нашли в ящике какой-то древний неразборчивый текст или что-нибудь наподобие, можете рассчитывать на мою профессиональную помощь. Дайте мне что-нибудь старинное – и...

Впрочем, он тоже говорил без уверенности, а наш хозяин выглядел таким серьезным, что в гостиной повисло неловкое молчание.

– Нет, не в ящике – мне это пастор дал. И почерк не сказать чтобы неразборчивый. Показать не смогу, потому что отдал на перепечатку, но это дневник: огромное количество всякой информации. По большей части довольно скучной, впрочем, я уже с головой окунулся в семнадцатый век и, признаюсь, мне нравится. Дневник начали вести летом тысяча шестьсот шестидесятого года, сразу после Реставрации, и вели до конца тысяча шестьсот шестьдесят четвертого. Он хранился у мистера Эверарда Пойнтера, который владел поместьем Манфред – это в шести или семи милях отсюда, – когда оно было фермой. Я уже так хорошо знаю этого парня, – хозяин задумчиво посмотрел на огонь, – знаю, что у него ишиас, о его отношении к баранине и политике. Знаю, почему он ездил в Лондон поплясать на могиле Оливера Кромвеля, и догадываюсь, кто в его отсутствие стащил два мешка солода из его пивоварни. Для меня он немного ассоциируется с шапкой: у него была бобровая шляпа, которую он надевал на собственную свадьбу и, готов поспорить, носил до самой смерти. Из этой массы информации я почерпнул подробности о разных людях. А факты я узнал из записей коронерского заключения, которые одолжил мне пастор.

– Погодите! – Инспектор выпрямился. – Этот ваш Пойнтер увидел привидение и умер?

– Нет-нет. Ничего подобного. Но он был одним из свидетелей. Он видел человека, зарубленного насмерть, с тринадцатью колотыми ранами на теле, от руки того, кого не было на месте преступления, и оружие, которого не существовало.

Наступила тишина.

– Убийство? – спросил инспектор.

– Убийство.

– Где?

– В той маленькой комнате наверху. Ее раньше называли дамской комнатой отдыха.

Вам-то сейчас хорошо сидеть в прекрасно освещенной городской квартире и думать, будто на нас просто повлияла обстановка. Вы слышите гул автомобилей за окном или проклинаете чей-нибудь радиоприемник. Вы не бывали в том доме, насквозь продуваемом ветрами, которые дуют с меловых холмов, когда на три мили вокруг дома – непроницаемая стена тьмы и ты осознаешь, что вскоре тебе придется уйти к себе в спальню и выключить свет, добавив к стене мрака еще один кирпичик.

– К сожалению, – продолжал хозяин, – громких имен я вам не назову. Эти люди, за одним исключением, имели не больше отношения ко двору Карла Второго, чем мы – к свите Георга Шестого. Они жили в маленьком, полном забот и, возможно, невежественном мирке. Они, большинство из них, были свирепыми, воинственными роялистами, которые вновь вырезали над камином герб Стюартов и один-единственный раз выбрались в город в октябре тысяча шестьсот шестидесятого, чтобы посмотреть казнь королевских убийц. Дневник Пойнтера пестрит именами. Среди них есть сквайр Рэдлоу, в те времена – владелец этого дома и добрый друг Пойнтера, Марта, жена сквайра Рэдлоу, и его дочь Мэри.

Мистрис Мэри Рэдлоу было семнадцать лет, и она не относилась к тем девушкам, которые чуть что падают в обморок. Пойнтер, привыкший описывать все подробно, говорит, что ее рост – пять футов, а окружность груди – тридцать два дюйма. «Прелестная и изящная, с карими глазами и маленьким ртом», – пишет Пойнтер. Кудель она пряла лучше любой другой женщины в графстве, как-то раз на спор осушила одним глотком пинту вина и обожала увлекательные зрелища вроде травли медведя или повешения. Я говорю это без осуждения – просто пересказываю факты. Она также любила нарядно одеваться и хорошо танцевала.

Летом тысяча шестьсот шестидесятого года мистрис Мэри обручилась с Ричардом Оукли из Рондина. Похоже, про Оукли никто ничего толком не знал. В дневнике он несколько раз упоминается, но Пойнтер отказался от попыток разобраться, что он за человек. Оукли был старше своей невесты и добродушного нрава, хотя и стригся, как пуританин. Еще он был большим любителем чтения. Он владел хорошим поместьем в Рондине и умело им управлял, но над

книгами засиживался допоздна и немало свечей сжег. В любую погоду, и летом, и в стужу, он бродил по окрестностям, погруженный в раздумья такие мрачные, что самому Сатане впору.

Возможно, вы подумали, что мистрис Мэри предпочла бы кого-нибудь поживее. Однако Оукли, судя по всему, ее вполне устраивал и по всем статьям ей подходил – считается, что жены в подобном разбираются.

И вот тут-то возникла проблема. Во время Реставрации Оукли ходил бледноватый: не то чтобы его лояльность попала под подозрение, но вот имя свое он приобрел при Английской республике. Если новое правительство объявило бы сделки, заключенные в период Английской республики, незаконными, для Оукли это означало бы крах, а по деловым стандартам того времени заодно и конец его планам жениться на мистрис Мэри.

И тут появляется Джеральд Вэннинг.

Ох, ну и шуму он, похоже, наделал! Свежий и лощеный, прямоком из Версаля, Кёльна, Брюгге, Брюсселя, Бреды и прочих мест, которые он объехал со свитой некогда изгнанного короля. Вэннинг был одним из тех «самоуверенных молодых людей», на которых так жалуются старомодные кавалеры ранних лет Реставрации. До гражданской войны его семья относилась к наиболее влиятельным в Кенте. Все знали, что его ждет вознаграждение, – и не ошиблись.

Будь это любовный роман, я бы сейчас сказал, что мистрис Мэри влюбилась в этого молодого красавца и забыла про Оукли. Но кажется, правда состояла в том, что Вэннинг ей никогда не нравился. У Пойнтера же Вэннинг вызывал отвращение из-за своей привычки при каждой реплике кланяться и заносчиво улыбаться. Вероятно, мистрис Мэри понимала его не лучше, чем Пойнтер.

В дневнике есть описание обеда, который устроил сквайр Рэдлоу по случаю приезда Вэннинга в этот дом. Он приехал в карете, несмотря на ужасающее состояние дорог, и в сопровождении дюжины лакеев. На сквайра это произвело впечатление, хотя в отношении Вэннинга новый режим еще ничего не решил. Вэннинг уже носил длинные волосы, тогда как другие только отращивали их. Должно быть, местные жители выглядели кудлатыми чудачками, как те, кто начинает отращивать бороду, да и деревенщинами они были порядочными, что, вероятно, его забавляло.

Только вот среди них была и мистрис Мэри. Вэннинг взглянул на нее, положил руку на спинку кресла, поклонился, закатил глаза и принялся осаждать ее не хуже французского короля, который берет приступом город. Остроты сыпались из него словно из рога изобилия, он икал, он ходил гоголем, он бросал убийственно томные взгляды. Сквайр Рэдлоу и его супруга пришли в восхищение. Оукли из Рондина им нравился, но ведь не исключено, что через месяц Оукли останется без гроша, зато Вэннинга ждала головокружительная карьера, из чего сам он не делал секрета. В течение всего обеда Ричард Оукли с несчастным видом «отводил глаза».

Когда после обеда мужчины захмелели, Вэннинг заговорил со сквайром начистоту. Оукли, пошатываясь, выбрался наружу, под яблони, подышать свежим воздухом: из-за выпивки и навалившихся невзгод он чувствовал себя неважно. В табачном чаду Вэннинг и Рэдлоу наперебой заверяли друг друга в дружбе и рыдали. Вэннинг клялся, что пускай душа его сгниет в глубинах ада, как у Кромвеля, если он женится на ком-то, кроме мистрис Мэри. Сквайр проявлял стойкость и все же дрогнул. «Сэр, – сказал он, – вы злоупотребляете моим гостеприимством. Моя дочь связана обещанием, данным джентльмену, который только что покинул нас, но, возможно, нам следует прямо сейчас обсудить это». Пойнтер, который хоть и понимал вескость доводов, ушел домой встревоженным.

Так вот, Джеральд Вэннинг был не дурак. Я видел его портрет, написанный несколькими годами позже, когда в моду вошли завитые парики. Лицо у него холеное, хитрое и проницательное. Вэннинг получил настоящее классическое образование и немного баловался наукой – новомодной забавой той эпохи. Но самое главное, он умел просчитывать наперед. Во-первых, карие глаза и очарование девушки и впрямь сразили его. Во-вторых, мистрис Мэри считалась

ценной добычей. Награждая преданных, король и сэр Эдвард Хайд вряд ли забыли бы Вэннинга из Мэллингфорда, а с другой стороны, от них всего можно было ожидать.

За следующие три недели все привыкли к мысли, что Вэннинг в конечном счете станет зятем сквайра. Разумеется, никто ничего не говорил и шагов никаких не предпринимал. Но при этом Вэннинг успел дюжину раз отобедать здесь и подарил жене сквайра брошь, когда-то принадлежавшую Карлу Первому. Об этом Пойнтеру с негодованием сообщила мистрис Мэри.

А затем пришла неожиданная новость.

Дом и земли Оукли избежали опасности. Приняли закон, который подтверждал все сделки купли-продажи и аренды имущества со времен гражданских войн. Это означало, что Оукли снова стал выгодной партией, поэтому сквайр больше не оспаривал их договоренность.

У меня здесь есть рассказ и о том, как эту новость восприняли в поместье. Пойнтер об этом не пишет, и сведения я получил из записей коронерского заключения. Что поражает, когда читаешь эти хроники, так это тупая прямота, напор, подобные ветру или пистолетному выстрелу в голову, с которыми люди шли к осуществлению своих желаний. Потому что всего два месяца спустя усадьбу потрясло убийство.

Хозяин ненадолго умолк. Пламя в камине отбрасывало на стены живые блики. Хозяин посмотрел на потолок – по второму этажу расхаживал слуга.

– Вэннинг, – продолжил он рассказ, – казалось, воспринял этот факт довольно спокойно. Когда Оукли прибыл сюда с новостями, Вэннинг тоже находился в поместье. Было пять или шесть часов вечера. Мистрис Мэри, сквайр с супругой и Вэннинг сидели в дамской комнате отдыха. Это и есть комната наверху лестницы – маленькое квадратное помещение с двумя окнами с частыми переплетами, которые обычно не открывались. Все убранство ограничивалось дубовыми, обитыми парчой стульями, подрамником для рукоделия и буфетом, на котором скромно стояли тарелка с апельсинами, стеклянный кувшин с водой и несколько стаканов.

Свеча горела всего одна, да и та стояла вдалеке от Вэннинга, поэтому лица его толком никто не видел. На нем был сюртук для верховой езды, а на коленях лежала рапира. Когда Оукли вошел и сообщил новости, Вэннинг положил руку на рапиру, но затем «отвесил поклон» и вышел, не произнеся больше ни слова.

Свадьбу предварительно назначили на конец ноября – этого захотели оба, и Оукли, и мистрис Мэри. Сквайр принял это известие с большой радостью, поскольку за истекшие месяцы никаких сногшибательных привилегий Вэннинг не получил. Правда, исцеляющий раны и благословенный парламент наградил его пятьюстами фунтами в год, однако по достатку он разве что незначительно превосходил Оукли, договор есть договор, сказал сквайр, и Оукли ему как родной дражайший сын. Никто, кажется, не знал, чем тем временем занимался Вэннинг, кроме того, что он спокойно осел в Мэллингфорде.

Тем не менее с той поры по окрестностям поползли любопытные слухи, причем все они крутились вокруг Ричарда Оукли. Пойнтер записал некоторые из них, сначала, видимо, не осознавая, к чему это все ведет. Невесомые, как пух одуванчика на ветру, слухи эти разлетались по округе и давали корни.

Кто такой вообще этот Оукли? Что о нем известно, кроме того, что он приехал сюда и купил землю во времена Оливера? У него обширные знания и свыше сотни книг в доме – что за нужда ему в них? Кто он? Богослов? Доктор словесности или физики? Или ученый, занимающийся науками не вполне естественными? Зачем он подолгу гуляет по лесу, особенно после заката?

На все вопросы Оукли отвечал, что он такой по природе. Но честный человек, имеется в виду простой человек, такой природы не понимал. Лес густой и непроходимый, сложно сказать, что там творится после наступления темноты, поэтому честный человек предпочитал кабак. Времена выдались неспокойные, поэтому такая молва разлетелась еще быстрее. Переломанные кости Революции срастались с трудом. Ко всему прочему погода тоже вела себя неестественно.

Зимой холодов совсем не было: в январе в воздухе висела дорожная пыль и роились мухи, а на розах зазеленели листья.

Оукли никаких сплетен не слышал или делал вид, будто не слышит. И тут Джейми Эйчен, парнишка, слабоватый умом, а потому бесстрашный, увидел, как в Гэлес-Гопс нечто преследует Оукли. Мальчик сказал, что плохо разглядел, поскольку дело было после заката, но слышал, как оно шуршит за деревьями и высматривает мистера Оукли. По словам парнишки, это был человек, вот только живой ли, этого Джейми не знал.

Под вечер в пятницу, двадцать шестого ноября, Джеральд Вэннинг в одиночестве приехал в этот дом. Было семь часов, для сельской местности время позднее. Его впустил в нижний зал Киттс, дворецкий сквайра, и Вэннинг спросил о мистере Оукли. Киттс ответил, что Оукли наверху с мистрис Мэри и что сквайр поужинал с мистером Пойнтером, а сейчас спит.

Оружия у Вэннинга при себе не было – это точно. Киттс держал свечу высоко и пристально смотрел на гостя: у дворецкого появилось дурное предчувствие, и даже когда гость снимал перчатку, Киттс краем глаза наблюдал за ним. На Вэннинге были ботфорты, полурасстегнутый сюртук для верховой езды, кружевная лента на шее и плосковерхая бобровая шляпа с золотой лентой. Под заостренным носом топорщились небольшие усы, и он весь вспотел.

– Полагаю, мистер Оукли привел с собой друга, – сказал Вэннинг.

– Нет, сэр, – возразил Киттс, – он один.

– Но я уверен, что за ним следовал его друг, – настаивал Вэннинг. Он дергал головой, озираясь и даже подпрыгнул, точно от прикосновения, и все вглядывался в углы, как будто играл в прятки. – Ладно! – Вэннинг с шумом выдохнул. – Проводи меня к мистрис Мэри. Стой! Сначала позови с кухни пару-тройку проворных парней, и вы все меня проводите.

Киттс насторожился и спросил, в чем дело. Вэннинг не ответил, но приказал проследить, чтобы слуги принесли дубинки и фонари. Вчетвером они поднялись наверх, Вэннинг постучал в дверь, и ему предложили войти. Слуги оставались снаружи, дубинки и фонари дрожали у них в руках: позже они так и не смогли объяснить почему.

За открывшейся дверью Киттс заметил мистрис Мэри, сидевшую за столом в платье из розовой парчи, которое она надевала только по воскресеньям, и Оукли – тот сидел на краешке стола возле Мэри. Оба они обернулись, явно удивленные.

Вскоре Киттс услышал голоса, но настолько тихие, что он так и не разобрал, о чем говорят. Речь становилась все быстрее, а затем послышалось какое-то движение. Последним, что Киттс услышал наверняка, – был грохот, как будто опрокинули канделябр. До дворецкого донесся удар, какой-то пронзительный звук, пыхтение, потом – словно потасовка и вдруг крик мистрис Мэри, перекрывающий остальной шум.

Киттс и трое его сопровождающих налегли на дверь, но ее заперли. Они так ломились, что разбудили спящего внизу сквайра, но дверь не поддавалась. Внутри сначала наступила тишина, а после кто-то, спотыкаясь, на ощупь, двинулся к двери. Сквайр и мистер Пойнтер прибежали наверх, как раз когда дверь отперли изнутри.

Внутри стояла мистрис Мэри, часто и тяжело дыша, с широко раскрытыми глазами. Край юбки она приподняла – он был выпачкан кровью, словно им вытерли оружие. Она крикнула слугам, чтобы те посветили, и один из слуг просунул внутрь фонарь.

У дальней стены полулежа скрючился Вэннинг, и лицо его, когда он обернулся посмотреть на них, было бледно-серым, подобно промасленной бумаге. Но глаза всех присутствующих были обращены на Оукли или то, что осталось от Оукли. Он упал возле стола, а рядом с ним валялась раздавленная свеча. Сколько ран на шее и лице Оукли, никто не знал, но Пойнтер решил, что около дюжины, и оказался прав. Вэннинг, спотыкаясь, подошел и попытался приподнять его, но, конечно, было слишком поздно. Теперь послушайте, что написал сам Пойнтер:

«Мистер Рэдлоу подбежал к Вэннингу и вцепился в него с криком: „Убийца! Ты убил его!“ На что мистер Вэннинг крикнул: „Клянусь милостью Божьей, я не трогал его! У меня с собой ни клинка, ни кинжала!“ И правда, так оно и было: Вэннинга бросили на пол около его жертвы и по приказу обыскали, но не нашли в его одежде ничего опаснее булавки.

Судя по характеру глубоких зияющих ран, я заключил, что их нанесли ножом с широким лезвием или чем-то наподобие. Но какая тварь это сделала, оставалось загадкой, поскольку мы осмотрели каждый дюйм комнаты от пола до потолка и обратно, но не нашли даже завалившейся в щель булавки.

Мистер Вэннинг утверждал под присягой, что, пока он разговаривал с мистером Оукли, нечто потушило свет, опрокинуло мистера Оукли и уперлось коленями ему в грудь. Но кто или что это было и куда оно делось, когда принесли фонарь, он сказать не мог».

Склонившись к камину, наш хозяин дочитал записи, убрал листы бумаги в карман и посмотрел на нас.

Жена историка, прильнувшая к мужу, неловко заерзала.

– Зря вы нам все это рассказали, – пожаловалась она, – и все же объясните. Я так и не поняла. Чем тогда убили этого мужчину?

– Это, – сказал хозяин, закуривая трубку, – хороший вопрос. Если вы принимаете законы природы, управляющие этим миром, то в комнате не было ничего, чем его можно было бы убить. Еще минутку внимания! – это он сказал, потому что мы все смотрели на потолок. – Сквайр умолял мистрис Мэри рассказать, что произошло. Сначала та расплакалась и впервые в жизни упала в обморок. Сквайр хотел побрызгать на нее водой, но Вэннинг отнес ее вниз, и они силой влили ей в рот бренди. Придя в себя, она была слегка рассеянна и ничего связного не сказала.

Сперва нечто потушило свечу. Раздались звуки, похожие на падение и потасовку. Потом в небольшой комнатке запахло кровью. Кажется, нечто дергало и тянуло ее за юбку. Похоже, больше она ничего не помнила.

Конечно, Вэннинга взяли под стражу и вызвали мирового судью. Все собрались в этой самой комнате, которая тогда была более мрачной и пустой, чем сейчас, но Вэннинга загнали поближе к камину. Сквайр вытащил рапиру и попытался заколоть Вэннинга – при этом оба, как положено, рыдали. Но Пойнтер приказал двум парням оттащить сквайра. Позже он привел в дневнике собственные слова: «Это необходимо сделать в надлежащем порядке».

Так вот, я хочу до вас донести, что эти люди не были дураками. Возможно, мыслили и говорили они грубее, но привыкли иметь дело с такими реалиями, как дерево, мясо и кожа. В данном случае реальность была такова: глубина ран у Оукли составляла шесть дюймов, а ширина – один дюйм, их нанесли толстым плоским лезвием, которое местами поцарапало кость. Но никакого подобного клинка и рядом не лежало – об этом все знали.

Четверо мужчин стояли в двери и держали фонарь, пока остальные искали нож (если он вообще существовал) – и не нашли. Комнату перевернули вверх дном, но ничего не обнаружили. Несколько человек караулили возле двери, поэтому наружу никто ничего не вынес бы. Окна не открывались, так что нож из окна выкинуть было невозможно. Наружу вела одна-единственная дверь, возле которой стояли слуги. Нечто буквально разрезало человека на куски – нечто, чего в комнате просто-напросто не было.

Вэннинг, бледный, но успокоившийся, повторял свои показания. На вопрос, зачем он тем вечером приехал в дом, Вэннинг ответил, что ему надо было уладить с Оукли одно дело. На вопрос, какое именно, он сказал, что в последнее время жить в его доме стало невыносимо и он хотел попросить Оукли это исправить. Он не причинил мистеру Оукли никакого вреда, разве что пытался увести у него невесту, и потому он умолял мистера Оукли унять своих собак. Каких собак? Вэннинг объяснил, что он не имел в виду конкретно собак. Он имел в виду что-то, что забралось в шкаф у него в спальне, но бывает там только по ночам. У него имелись все

причины считать, что это мистер Оукли загонял туда эту тварь, ведь появилась она ровно в тот момент, когда Вэннинг начал оказывать знаки внимания мистрис Мэри.

Эти мужчины были обычными людьми. Пойнтер велел дворецкому подняться наверх и снова осмотреть маленькую комнату, но слуга отказался. Это маленькое семя ужаса начало разрастаться, подобно манговому дереву, укрытому тканью, и выпускать наружу щупальца. Широкую улыбку Ричарда Оукли быстро забыли, а вот то, как странно вращались у него глаза, наоборот, вспомнили. А учитывая, что Оукли был в два раза старше мистрис Мэри, многие задавались вопросом, кого же на самом деле они потчевали хлебом-солью. Даже сквайр Рэдлюу не имел желания подниматься в комнату на самом верху. Потевший возле камина Вэннинг собрался с духом и, как полагается самоуверенному молодому человеку, вызвался сходить туда. Никто не возражал. Но стоило ему только войти в комнатку, как дверь снова хлопнула и он выбежал наружу. Присутствующие не знали, оставаться им или лучше покинуть дом.

Хозяин опять умолк. Тишину нарушил инспектор – он рассматривал сигару и говорил с долей недоверия. Его здравомыслие побуждало всех прислушаться к голосу разума.

– Слушайте, – начал он, – вы рассказываете нам местные страшилки или всерьез выдаете это за свидетельство?

– За свидетельство, предоставленное коронерским расследованием.

– Надежное свидетельство?

– Полагаю, что так.

– А вот я – нет... – инспектор цыкнул зубом, – и тем не менее, полагаю, нам придется признать, что, коли было расследование, человека убили. Но если его зарубили или зарезали, нанеся тринадцать ран, сделали это каким-то орудием. Тогда что с ним случилось? Вы сказали, в комнате ничего не нашли, но откуда мы знаем, что ничего и не было? Может, его просто надежно спрятали?

– Думаю, – медленно ответил хозяин, – могу дать вам слово, что никакого оружия там не прятали.

– Тогда какого черта с ним случилось? Нож не меньше шести дюймов в длину и дюйма в ширину...

– Да. Но это факт – никто не видел его.

– Оружие нигде не прятали, но никто его не видел?

– Верно.

– Невидимое оружие?

– Да, – глаза хозяина загадочно блеснули, – в буквальном смысле слова невидимое.

– А ты откуда знаешь? – неожиданно спросила его жена.

До сих пор в разговоре она не участвовала, однако, сидя на пуфике, внимательно присматривалась к супругу, и, когда тот заколебался, она обрушила на него праведный гнев.

– Вот ты злодей! – воскликнула она. – Просто негодник! Ты все это выдумал! Только для того, чтобы всем было страшно ложиться спать, а поскольку я ничего не знаю про это место, ты наврал нам с три короба...

Но хозяин остановил ее:

– Нет. Если бы я выдумал это, то так бы и сказал. – Он снова замялся и едва не стал грызть ногти. – Допускаю, я попытался слегка нагнать таинственности. Это естественно, потому что, честно говоря, я и сам не знаю правды. Я могу только строить догадки – на этом все. Могу предположить, каким образом у жертвы появились эти раны. Но главная проблема не в этом. Не это тревожит меня, разве не ясно?

– Тесное знакомство с детективными романами, – вмешался историк, – дает мне некое представление о том, с чем вы столкнулись. По-моему, жертву закололи сосулькой, как в некоторых художественных произведениях. Позже лед растаял и в итоге стал невидимым оружием.

– Нет, – возразил хозяин, – думаю, это неосуществимо. Вряд ли бы вы нашли сосульку той аномально теплой зимой. И сосульки хрупкие: не существует плоских и широких сосулек, прочных, как сталь, чтобы нанести тринадцать колотых ран, да еще и кости повредить. И сосульку вполне возможно увидеть. В сложившихся же обстоятельствах оружие было невидимым, несмотря на его размер.

– Вздор, – сказала жена историка, – такой вещи не существует.

– Если вдуматься, существует. Конечно, это лишь мое предположение, возможно ошибочное. Проблема не в этом, хотя она настолько с этим связана, что... Но вы не слышали окончание истории. Рассказать?

– Разумеется.

– Боюсь, ничего особо удивительного я вам не сообщу, – продолжил хозяин, – хотя имя Ричарда Оукли превратилось в кошмар, который по вечерам удерживал людей дома. «Прия- тель Оукли» – так местные стали называть нечто, готовое схватить вас, если вы зазевались. Позже некоторые видели, как Оукли разгуливает по лесам: голова свернута набок, а по всему телу – колотые раны.

Большое жюри присяжных Сассекса во главе с сэром Бенедиктом Скином полностью оправдало Джеральда Вэннинга. Коронерское жюри уже сказало, что «лица и вещи неизвестны», и добавило слова сочувствия в адрес мистрис Мэри, основной смысл которых заключался в том, что ей повезло отделаться от опасной договоренности. Наверное, вы не удивитесь, узнав, что через восемнадцать месяцев после смерти Оукли она вышла замуж за Вэннинга.

Она дала согласие сразу же, впрочем вся ее прежняя жизнерадостность исчезла. В те времена молодые леди не оставались в старых девах по собственному выбору. Девушка улыбнулась, кивнула и дала надлежащий ответ, хотя кому-то наверняка показалось бы, что она так и не оправилась от случившегося.

Дела налаживались и даже превратились в рутину. Вэннинг преуспевал и пользовался всеобщим уважением. Сведения о его последующей карьере мне пришлось искать в других источниках, поскольку дневник Пойнтера заканчивается шестьдесят четвертым годом. Так вот, благодарное правительство сделало его сэром Джеральдом Вэннингом, баронетом. Он стал ведущим членом Королевского общества и баловался наукой. Его щеки округлились, из глаз исчезло лукавство, голову украсил завитой парик, а в Грешем-Хаус его карету тянули четыре фламандские кобылы. После смерти сквайра Рэдлоу он, посещая родные края, часто останавливался в этом доме. Со сдержанной элегантностью курсировал он между этим поместьем и Мэллингфордом. В маленькую комнату, которая когда-то вызывала столько ужаса, он заходил редко, однако дверь ее оставалась незапертой.

Его жена следила за тем, чтобы каменная плитка была вычищена, а каждая деревяшка блестела. Она была хорошей женой, а он, в свою очередь, хорошим мужем: заботился о ней и пил, только чтобы утолить жажду, хотя Мэри часто вынуждала его пить больше, чем хотелось бы. Именно к этому этапу семейной жизни относится запись другого коронерского расследования.

Ночью пятого октября шестьдесят седьмого года Вэннингу перерезали горло.

Вечером, когда дул сильный ветер, они с женой приехали сюда из Мэллингфорда. Вэннинг только что заключил выгодную сделку и пребывал в особенно хорошем расположении духа. Они вместе поужинали, и Вэннинг крепко выпил. Его жена составила ему в этом компанию. Я ведь рассказывал, что как-то раз она на спор осушила одним глотком пинту вина? Мэри сказала, что выпивка поможет ему уснуть, ведь – и похоже, это правда – во сне Вэннинг порой разговаривал. По ее собственным словам, в восемь вечера она пошла спать наверх, оставив его одного за столом. Во сколько он отправился спать, мы не знаем и слуги тоже. Киттс, дворецкий, сказал, будто в очень поздний час слышал, как кто-то, спотыкаясь, поднимается наверх.

Киттсу также почудилось, как кто-то кричит, но дул сильный октябрьский ветер, и дворецкий сомневался.

Утром шестого октября скотник по имени Коутс на рассвете проходил мимо дома. Только что закончилась буря, и все вокруг было мокрым. Коутс держал путь на западный луг и остановился попить из бочки для сбора дождевой воды. Она стояла под водосточным желобом, прямо под маленькой комнатой наверху. Наклонившись, скотник заметил, что у воды странный цвет. Чтобы выяснить, отчего так произошло, он запрокинул голову и увидел лицо сэра Джеральда Вэннинга. Среди деревьев с пожелтевшими листьями тот смотрел прямо на Коутса. Голова сэра Джеральда неподвижно торчала из окна, взгляд застыл. Часть стекла в окне уцелела, хотя убитый пробил головой окно и...

На этом месте инспектор издал возглас.

Это был возглас озарения. Хозяин наградил инспектора мрачноватым взглядом и кивнул.

– Да, – подтвердил он, – теперь и вы знаете правду, верно?

– Правду? – почти выкрикнула жена историка. – О чем?

– Об убийстве Оукли, – ответил хозяин, – о хитрости, к которой прибег Вэннинг за семь лет до этого, чтобы убить Оукли. Я почти уверен, что так он и поступил, – хозяин задумчиво кивал, – в те времена люди обожали подобные фокусы и приспособления. Часы, которые ходят благодаря катающимся по наклонной плоскости пулям, водолазный колокол, сторожевая сигнализация – все эти забавы были не чужды Королевскому обществу. И Вэннинг – рассмотрите как-нибудь на досуге его портрет – воспользовался трюками, которым обучился в изгнании. Он изобрел невидимый нож.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.